

ЭКРАН И СЦЕНА

5 декабря

1, 8-9

Mozart

Двести лет назад, 5 декабря 1791 года, в неполные тридцать шесть лет умер Вольфганг Амадей Моцарт. Непостижим его музыкальный гений, полна легенд судьба. Приблизимся ли мы когда-нибудь к разгадке многочисленных тайн, связанных с его именем?

Материалы о Моцарте читайте на 8—9 стр.

**Какая глубина!
Какая смелость и какая стройность!
Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь...**

А. Пушкин.

Не совершаем ли мы бестактности, праздную годовщину смерти величайшего гения? Празднество вместо поминовения — странно. Но только на первый взгляд. Впрочем, на этот вопрос ответить легко: Моцарт — светлый гений. Музыка его доставляет радость несказанную, и грустит, думая о нем, может лишь упрямый бунт. Да и смерть была ему добрым, едва ли не «лучшим другом», по его же собственным словам. Он не боялся ее, как не устремился рукопожатия Командора его герой, бессмертный Дон Жуан.

Стыдиться веселая нечего — сам Моцарт умел веселиться, как никто другой. Недаром его письма к кузине Бэзль до сего дня нельзя прочесть на русском языке — они по меньшей мере неприличны и могут согнать в краску не только благородных девиц. Но у Моцарте-человека речь еще впереди.

Сейчас же мне хотелось бы упрямо вернуться к первому вопросу, хотя и с другим акцентом: для чего нам это празднество? Для того ли, чтобы, пользуясь датой 200-летия, вновь привлечь внимание к его творчеству, к смыслу его шедевров?

Увы, как и во многом другом, здесь между евроизматами и европейцами (смотри любую карту путешествий Моцарта — его «переплону» только Казанова, побывавший даже в России, давший, как известно, консультацию при составлении либретто «Дон Жуана») пролегал некоторая граница.

Многократно выпущенные полные собрания сочинений (ноты, компакт-диски) делают доступными любому весь мир его музыки. Это у них. Они просто празднуют, к примеру, совершают путешествия через всю Европу по маршруту семьи Моцарта, слушая в каждом городе соответствующие концерты.

А у нас — можем ли мы с вами вспомнить хотя бы одну постановку оперы Моцарта в 1991 году, хотя бы один абонемент из его симфоний, концертов, квартетов? Что опубликовано в этом году? Очередные детективы о том, как Сальери отравил Моцарта (об этом придется сказать ниже несколько слов). Даже от критике неизвестного портрета Моцарта в Музее музыкальной культуры стало событием только для специалистов. Что ж, и на том спасибо. Отметим. Приняли участие.

Впрочем, довольно сеговаций. Почему Моцарту должно быть у нас лучше, чем Прокофьеву или Шостаковичу, Глинке или Мусоргскому? В самом деле, почему... А Моцарт был действительно всеобщим человеком. Здесь я впервые упомяну фильм Милоша Формана. Его герой в этом смысле довольно схож с портретом, который возникает из суммы свидетельств и писем. Вот как характеризовала его, например, писательница Каролина Пихлер: «Когда я села за клавиш и заиграла «Малычьи резвы» из «Фигаро», Моцарт, находившийся как раз у нас, встал позади меня. Позади, потому что я ему угодила, потому что он стал подпевать мелодию и отстукивать такт по моим плечам. Но внезапно он подошел ко мне, присел, велел мне играть дальше на басах и начал так чудесно варьировать в верхнем регистре, что все, задержав дыхание, заслушались, внимая звукам немецкого Орфея. Но вдруг ему это надоело, он вскопчил и в шутковом настроении, как это с ним часто бывало, начал скакать через стол и кресла, мяукать, как кошка, и кувыркаться, как распутившийся мальчишка». И это в тридцать лет, если не более! Однако такое поведение было ему присуще с детства. Леопольд Моцарт характеризовал своего семилетнего сына так: «Весел необычайно, но очень проказлив».

Например, он читает в дневнике сестры содержательную запись: «После полудня погода стала прекрасная». Он добавляет: «О погода! О стала! О прекрасна! О полдень! О дождь! О утро!» Или, уже несколько измучен: «Облака разошлись, стала видна луна». Приписка: «я слышу пуканье». Эта тема в многообразных вариациях вообще не уходит из поля зрения любого, кто обратится к переписке семейства Моцартов. Как будто находясь в мире героев Рабле! Он желает сестре веселиться «от всего зада», она отвечает его «братцем-засранцем». И судя по всему, язык зальцбургской интеллигенции немногим отличался от детского юмора: в письме аббату Буллинггеру, другу семьи, Моцарт, говоря о недостатках музыкальной жизни города, призывает сделать все возможное, чтобы тамошний оркестр «скорее получил задницу, ибо это самое необходимое: голова у него уже есть — и в том-то как раз несчастье!»

Загадочности всей его личности, скрывавшей под личиной грубого балагурства и смешных шуток свои неизведанные глубины, соответствует загадочность его музыки: чем больше в нее вникаешь, тем больше видишь, как мало еще понял ее.

Г. Чичерин.

Вся эта правда бледнеет перед письмами 20-летнего Моцарта к кузине Бэзль в Аугсбург. Пример приличной шуточки: «...Знаешь ли ты историю, которая здесь произо-

шла? Сейчас я тебе ее расскажу. Пошли мы сегодня от графа Фирмиана, чтобы идти домой, и когда мы пришли на нашу улочку, то открыли дверь нашего дома, и как ты думаешь, что случилось? Мы вошли в дом». А вот не очень приличная (начало того же письма): «Моя дорогая кузина! Прежде чем Вам писать, я должен сходить на толчок... теперь все позади! ах! — ну вот мне вновь легко на сердце... и т. д. Совсем неприличные потребовали бы много пояснений и многоточий: эпоха была другая. Не чурался этого стиля Моцарт и в переписке со своими родителями. Люди не стеснялись тогда того, что ныне ученые называют «фекальным юмором». Такого рода выражениями пестрят и некоторые его нотные рукописи, тексты шуточных канонов.

Если же приблизиться к его музыке, то и там юмор, конечно, не столь забористый, можно встретить весьма часто. Не говоря о знаменитом Секстете деревенских музыкантов, следует вспомнить хотя бы четыре его главные оперы. «Так поступают все» — изначально венский анекдот о том, как женихи поменялись невестами, рассказанный Моцарту императором Иосифом II. В сцене оживления якобы отравившихся юношей композитор пародирует магнетические сеансы знаменитого Месмера, в доме которого, кстати сказать, Моцарт неоднократно бывал и выступал. В кантате прощания персонажи подавлены: на три группы душики плечут перед расставанием, парни им подыгрывают. Ну а дон Алфонсо готов умереть со смеху, наблюдая за ними. Композитор как бы подкашивает модель отношения к происходящему. Однако удовлетвориться сказанным было бы недостаточно. Музыка, сопровождающая комическую сцену, никогда не бывает у Моцарта только смешной. Здесь, как и во многих других случаях, персонажи нарисованы столь тепло и с таким состраданием (плач альтистов, вздох скрипки), что их нельзя не воспринимать всерьез.

Возникает многоступенчатая сценическая ситуация с участием автора. Вот действие на сцене, в котором одни печальны, а другие насмешничают. Вот мы, сидящие в зале и подсматривающие жизнь на сцене, сопереживаем первым и веселимся вместе со вторыми. И, наконец, есть позиция автора, который сверху (но не свысока!) взирает на всех нас, наши страсти, на наше «человеческое, слишком человеческое» отношение к себе подобным. И тогда вся партитура временами начинает походить на экзистенциальную драму с оттенком театра абсурда. Как этих героев не соединить с героями, все ладно, даже еще лучше. Они со всем смиряются и будут довольны. Моцарт жалует их (и нас вместе с ними).

Его музыка поет гимн идеалу, она сама — идеал, человек же лишь стремится к нему всегда, всю свою жизнь. Это то, о чем сам Моцарт писал жене: «Какая-то тоска, которая никогда не удовлетворяется и потому не прекращается — непрерывно, изо дня в день растет». Здесь тайна его искусства, подмеченная так непревзойденно конгеннальным Пушкиным.

Моцарт вводит нас в глубины царства духов. Нас овладевает страх, но без мучений, — это скорее предчувствие бесконечного. Любовь и печаль звучат в дивных голосах духов; ночь растворяется в ярком, пурпурном сиянии, и невыразимое томление влечет нас к образам, которые, ласково жалея нас в свои хороводы, летят сквозь облака в вечном танце сфер...

Э. Т. А. Гофман.

«Свадьба Фигаро» Моцарта в такой же степени сатирка, в какой «Женитьба Фигаро» Бомарше — сатира. Моцарту пришлось снять в тексте политические строки. Помимо цензурных соображений, им руководили представления о границах оперного жанра. Но именно благодаря его жанровому чутью возник спектакль политический (именно «Фигаро» — никакая другая его сценический шедевр — был поставлен в революционном Париже), первый в истории оперы, сохранивший запас актуальности до сего дня. Между тем даже здесь, явно поддерживая Фигаро (который на самом деле требует не свою любовь, а свою собственность — социальный буржуа!), насмехаясь над неудачливым волонтистом — его хозяином, Моцарт не может не выразить сочувствия и Графу, когда того обманывают уже совсем беззастенчиво. В дуэте с Сюзанной в финале оперы он, безусловно, может рассчитывать на наше понимание по крайней мере. Ведь он одуречен.

Философия жизни Моцарта — просветительская человечность. Он всегда полон сочувствия и всегда надеется на лучшее в человеке. Единственный раз он рисует злодеев в «Волшебной флейте». Но мавр Моностагос — типичный гадкий и смешной персонаж уличных театров, избиваемый за каждый свой проступок. А происхождение Царицы ночи — по Г. Чичерину, впадающей в раж «диких шаманских заклинаний», — едва ли не лучше всех понял тот же М. Форман. В фильме ее дивные, несравненные колоратурно-клекотания оказываются отзвуком ругани, на которую способна сварливая теща. (На самом деле Моцарт ладил с тещей и регулярно угощал ее конфетами и пирогами). Идеальный мир «Волшебной флейты», мир вольных каменщиков, в наибольшей степени, очевиднее, чем любые письма Моцарта и вос-

Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь...

поминовения о нем, говорит о его просветительских взглядах и свидетельствует об его актуальности. Эпоха, начавшаяся Великой французской революцией, ради тех же идеалов продолжается и поныне. Хотя, быть может, завершается?

С философской точки зрения Моцарт кажется еще более удивительным явлением, чем он представляется нам как автор величайших музыкальных произведений. Никогда еще перед нами так стихийно не обнажалась душа гениального человека.

Стендаль.

Идеалы поблекли, и утопия обернулась сказкой. Но если мы не верим уже речам Дантона и подозреваем в генерале Буонапарте императора Наполеона, если уже не зачитываемся Руссо и высмеиваем Шиллера, то все же в моцартовской «Волшебной флейте» мы с прежним восторгом встречаем те же идеалы «правды, мужества и стремления к блаженству всего человечества» (это не лозунг мировой революции, а цели тайного общества, в которое вступил Моцарт). То, что он искренно верил в них, подтверждает одно из его последних писем жене. На спектакле Моцарт сидел в ложе вместе с неким знакомым, который с удовольствием смеялся над всем происходящим на сцене. «К несчастью, я как раз оказался у него в ложе, когда начался второй акт, то есть торжественная сцена. Он высмеивал все. Сначала я терпел и пытался обратить его внимание на некоторые фразы в тексте, но он только смеялся. Это мне наконец надоело — я обозвал его Папагено и ушел». Вспомним, что начало второго действия — это сцена в храме между Зарастро и жрецами, одна из самых, пожалуй, серьезных в опере. Редкий случай: когда не Моцарт высмеивает нечто уж слишком серьезное, но, наоборот, препятствует осмеянию идеалов. А именно идеалов мужества, мудрости и человеколюбия: Кто Тамино — Принц? — Нет, больше — он Человек!

Когда в «Дон Жуане» переодетые мстители под масками приходят на бал к главному герою, то Дон Жуан рад им: «Заходите, дорогие гости, да здравствует свобода! Гости вынуждены согласиться и спеть вместе с ним гимн свободе. Действие останавливается, и все поют «Да здравствует свобода!» И это в 1787 году, накануне революции. Ничего более смешного современного политический композитор не придумает.

Когда в «Дон Жуане» переодетые мстители под масками приходят на бал к главному герою, то Дон Жуан рад им: «Заходите, дорогие гости, да здравствует свобода! Гости вынуждены согласиться и спеть вместе с ним гимн свободе. Действие останавливается, и все поют «Да здравствует свобода!» И это в 1787 году, накануне революции. Ничего более смешного современного политический композитор не придумает.

Ну а теперь взгляните, пожалуйста, на приводимые здесь фотопортреты. Это результат криминалистической экспертизы существующих портретов Моцарта и его жены (заимствованы из каталога выставки, открытой сейчас в Мангейме). Эти фотороботы изготовлены в Высшем суде, признаться, являются для меня главным открытием Года Моцарта. Так вот как выглядел гений, не знающий себе равных! Есть ли лицо, столь же вдохновенное, способен ли современный актер передать тайну его души? Тайну жизни? Или смерти?

«Поскольку смерть (в прямом смысле слова) поистине конечная цель нашей жизни, то я вот уже несколько лет настолько сблизился с этим подлинным лучшим другом человека, что образ ее не только не страшит меня, но даже скорее успокаивает! И я благодарю господню волю за то, что дал мне счастливый случай (вы понимаете, — добавляет он отцу, — что я имею в виду) постигнуть ее как ключ к нашему истинному блаженству. Я никогда не ложусь в постель, не подумав о том, что, может быть, меня (как я ни молод) на следующий день уже не станет — и все же ни один человек из тех, кто меня знает, не сможет сказать, что в общении я сдерживал или мрачен...» Это говорит человек, на руках которого в далеком Париже за девять лет до того умерла мать. Но это и слова человека, который стоит на самых передовых позициях своей страны и своей эпохи — среди вольных каменщиков, в локу которых он уговорил отца вступить, на что и намекает, стремясь облегчить последние дни его жизни.

Моцарт — это Мирабо, это первый живой человек в музыке, будут в ней и Дантоны! А. Герцен.

Таинство смерти приоткрывает его музыку в финале «Дон Жуана», в Реквиеме, в до-минорной Мессе, в минорном Концерте, во многих других минорных произведениях. Она совпадает с этим признанием, во

всяком случае мы видим, что он понимал и принимал ее такой. Поэтому нам нет нужды прислушиваться к нечестоплотным писаниям вокруг его кончины. Грустно, что вокруг легенды, блестяще воспеваемой Пушкиным, ставшей основой для впечатляющей пьесы П. Шеффера и роскошного фильма М. Формана, по-прежнему крутится общий интерес к композитору такого масштаба. Многие впервые заинтересовались его музыкой только благодаря выдумке, очернившей превосходного композитора (каким бы умелым интриганом Сальери ни являлся) и отталкивающей на себя донские исследовательские силы. Вновь и вновь ученые доказывают, что Моцарт не был, ну просто не мог быть отравлен — ни по симптомом, ни по срокам, ни по отсутствию мотивов. Но вновь появляются бредовые фантазии, все больше напоминающие литературу в стиле триллера — с демонами, масонами, неверными мужьями, женами, учениками и прочим.

А между тем на деле все было просто и печально — как всегда в истории, надо только отбросить достоверные свидетельства и следовать им — три года продолжалась бедность в семье Моцарта (приблизительно с 1787 по 1790 год). Чичерин, хотя и с оговорками, прав: «Моцарт был первый в истории композитор — представитель аристократической богемы. Конечно, работа на свободном рынке означала нищету. От этого Моцарт и погиб».

Не так важно при этом, что он шиковал — его последняя квартира весьма неплоха (четыре комнаты — 145 кв. м), и обставлена она была полностью своей мебелью, у него была своя лошадь для выездов, билардный стол и т. д. и т. п. И уже не имел значения новый рост его славы с осени 1791 года — место с рас пространением его опер по Германии и мгновенным успехом «Волшебной флейты» (за первый год — 100 представлений!). Гораздо важнее, что все это время боролся он как проклятый, а еще в детстве переболел, и не один раз, ревматизмом, что и привело впоследствии к полиневриту. Он пролежал в дороге — в концертных поездках — треть своей жизни: 10 лет 2 месяца и 8 дней — из них 9 лет в возрасте до 21 года! И то, что выдерживал детский организм, оказалось не под силу взрослому. Тогдашний способ лечения — обильные кровопускания и рвотные средства — довершил дело болезни. Смерть Моцарта была куда прозрачнее и трагичнее, чем в фильме.

По моему глубокому убеждению Моцарт есть высшая, кульминационная точка, до которой красота достигала в сфере музыки. Никто не заставлял меня плакать, трепетать от восторга, от сознания близости своей к чему-то, что мы называем идеал, как он.

П. Чайковский.

Вернемся в сегодняшние времена. Заговаривая об актуальности Моцарта, уж и не знаешь, где остановиться. Вроде бы все ясно: поставим, скажем, «Похищение из серала» и вспомним при этом, что сочинена опера была по случаю визита в Вену императрицы Павла Петровича с супругой и что автор оперы, не боясь перлюстрации, сообщал о прибытии «великозверя, великокозла» (ему и раньше было «наследие» на декреты архиепископа Зальцбургского). Однако чуть зазевавшись, и вот уже серьезные вроде бы люди предлагают ставить ту же оперу в ответ на войну в Персидском заливе (на конференции по случаю открытия Года Моцарта в Вене, январь этого года).

Не будем все же усматривать в Садаме Хусейне противника для паши Селима. Не будем его обижать. С нас вполне хватит общечеловеческих проблем, поставленных Моцартом. Более того. Лишь в той степени, в которой его идеалы остались нашими, мы и будем достойны его музыки. Его звуки несут нам память о детстве нашей эпохи. Как когда-то античность была для многих поколений детством европейской цивилизации, так ныне музыка Моцарта способна внушить нам представление о том, ради чего человек стремился к «братству, равенству и свободе», к блаженству и человеколюбию, к просвещению себе подобных. Внутренняя гармония его солнечного мира, мы будем помнить все составляющие этой гармонии: «Знание о трагизме человеческого бытия, приятное человеческого удела, мужество и ясность» (Г. Гессе). И он нам будет спутником, соратником и опорой. Нам — да! Но перейдет ли его идеалы в следующую эпоху, или будут сданы в музей старинных («античных») вещей, передадим ли мы их потомкам!

Моцарт умер! Да здравствует Моцарт! И на воде, и в птичьем гаме! Без конца и без края! И напоследок — еще одна шуточка Моцарта. В регистрационной книге бракосочетаний с красивым названием «Книга копуляций Вольфганг Амадей оформил свою женитьбу под именем Вольфганг Адам!

Григорий ПАНТИЕЛОВ.

● Рисунок М. М. Преттля к новому изданию писем Моцарта к кузине.

● Портреты В. А. Моцарта и его жены Констанцы, полученные путем криминалистической экспертизы прижизненных портретов.